

А.Д.Собянин, В.М.Мисник
НЕУЛОВИМЫЙ ДЖО СРЕДНЕЙ АЗИИ
РОССИЯ КАК СТРАТЕГИЧЕСКИЙ РЕСУРС
РАЗВИТИЯ КИРГИЗИИ

Кыргызская Республика, отметившая 31 августа этого года 16-ю годовщину независимости, пожалуй, является сегодня одним из самых независимых государств постсоветского пространства. Но независима она в том самом смысле, в каком неуловим ковбой Джо из известного анекдота: трудно найти какой-либо международный процесс, который бы реально зависел от современной Киргизии.

По очень многим показателям — от валового внутреннего продукта до места национальной футбольной сборной в рейтинге ФИФА — страна уверенно располагается во второй сотне стран мира. В этом нет ничего нового — и в советское время маленькая Киргизия вместе с двумя другими горными республиками — Таджикистаном и Арменией — традиционно делила 1—3 места в любой советской статистической таблице. Естественно, 1—3 места от конца.

Быть маленьким — не преступление, наоборот, как говорится, *small is beautiful*. Но Киргизия в этой своей малости оказалась какой-то уж совсем незаметной, тише воды и ниже травы. Не имея возможности претендовать на региональное лидерство, как Казахстан и Узбекистан, избежав ужасов гражданской войны, как в Таджикистане, или изоляционистской тирании, как в Туркмении, Кыргызская Республика вот уже 16 лет пытается определить свою роль в Средней Азии и в мире. Однако эта роль пока так же плохо просматривается, как и в 1991 г. При Аскаре Акаеве о Киргизии говорили как о самой демократической стране в СНГ, дальше других продвинувшейся в рыночном отношении (она первой вступила в ВТО). До сих пор в социологических опросах в России Киргизия идет сразу за Казахстаном и Белоруссией по доле симпатий. Можно сказать — просто хорошая страна. Вот только хорошая страна, как и хороший человек, — не профессия.

Попытаемся ответить на два вопроса. Первый: какие варианты развития возможны и почему они не осуществляются? Второй, менее очевидный, но, в сущности, более важный: на какие средства ухитряется жить «страна без профессии».

Киргизская ССР не нуждалась в каких-то отдельных экономических стратегиях. Планы ее развития всегда были вписаны в более масштабные региональные и всесоюзные проекты. Все крупные предприятия Киргизии практически полностью ориентировались на «внешних» по-

ставщиков и потребителей, не исключая и гидроэнергетики, которая входила в число основных специализаций республики во всесоюзном разделении труда. Как образно выразился еще в 1980-е годы один наш знакомый специалист-гидроэнергетик: «Электричество производит Киргизия, но рубильник-то у Узбекистана». Были отрасли, в которых республика вполне могла быть самодостаточной, например сельское хозяйство, но никто к этому не стремился: зачем, если дешевле и проще специализироваться, а недостающее — привозить? Население, впрочем, об этом не задумывалось: его жизненный уровень в 1960—1980-е годы ощутимо рос, строилось жилье, общественные здания и дороги. Зримым символом относительного благополучия последних советских лет стало монументальное семиэтажное здание Дома Правительства в Бишкеке, которое достраивали уже при Михаиле Горбачеве и которое никто не называет иначе, как «Белым Домом». Несколько хуже жили на аграрном Юге — но и там советские времена вспоминают как время жизненного благополучия.

Конечно, всегда находились и недовольные, и поводы для недовольства, но никакой серьезной оппозиции существующему порядку вещей не было, и уж тем более не было никаких планов по его изменению. Поэтому, когда в одночасье порядок вещей изменился и Киргизия оказалась со всех сторон окружена государственными границами, выяснилось, что в стране по сути дела нет ни одного предприятия, которое могло бы нормально работать, опираясь на национальные ресурсы. Соответственно, предприятия работать перестали — и практически сразу. Не будет сильным преувеличением сказать: остановилось все, и остановились все. Начиная с производства компьютеров для космических аппаратов в Бишкеке и торпед, которые испытывали на Иссык-Куле, и заканчивая крупными предприятиями легкой и пищевой промышленности. Разве что воды перегороженного Нарына продолжали исправно крутить турбины, в которых по не зависящим от политики законам физики генерировался электрический ток, растекавшийся по проводам везде, где их успели протянуть. Собрать хоть какие-то хозяйственные цепочки из расположенных на территории республики производств, что иногда удавалось на Украине и в Казахстане — странах покрупнее, здесь получиться не могло.

В результате в Киргизии, обладавшей неплохим промышленным потенциалом, стали расти как грибы мастерские по изготовлению ключей, оснащенные порой наисовременнейшим, а порой уже сильно устаревшим оборудованием. Несколько лет республика была лидером среди стран СНГ по экспорту лома цветных металлов — через дырявую киргизско-китайскую границу непрерывно шли фуры с ломом, причем груз в этих фурах большей частью принадлежал российским, казахским и узбекским предпринимателям. Путь самодостаточного промышленного развития оказался перекрыт, но имелся значительный задел промышленного оборудования, площадей и кадров, который в принципе можно было — пусть со значительными потерями — конвертировать в новые

производства, ориентированные на местные и ближние рынки. Отчасти так и произошло, и не только с изготовлением ключей. Особенно заметны успехи в швейной промышленности, которая выдерживает конкуренцию с китайской и даже может себе позволить подделывать китайские марки. Но если посмотреть на промышленные площади, то обнаружится, что новые производства всегда занимают лишь какую-то долю старых. Нередки случаи, когда производство уже невозможно восстановить даже при серьезных инвестициях, как это случилось, в частности, с Ошским шелкокомбинатом (АО «Ош-Жибек»). Его владелец, российский предприниматель Тельман Фероян, просто вывез все более или менее исправное оборудование к себе в Иваново. Сейчас в корпусах комбината расположились арендаторы-торговцы, но заполнить все пустующие площади не смогут никакие арендаторы.

Впрочем, это совсем не удивительно, удивительно другое: при огромном количестве проданного на металлолом в Китай оборудования, при значительной утечке квалифицированных кадров, вызванной отъездом в Россию русскоязычных, в Киргизии все еще остаются «законсервированные» производства, представляющие интерес для инвесторов. В качестве примера можно привести завод по производству кремния «Кристалл» в южнокиргизском Таш-Кумыре.

ГАО «Кристалл» — уникальное предприятие, которое должно было обеспечивать кремнием для интегральных схем весь Советский Союз, но которое тогда так и не успели запустить. И хотя вот уже 16 лет строгой инвентаризации там не было, существенная часть оборудования сохранена. Сохранились и достаточно сильные кадры — скажем, академик Национальной академии наук КР Турсунбек Клычбаев, который в свое время работал вместе с российским нобелевским лауреатом, одним из основоположников квантовой электроники Александром Прохоровым.

Академик Прохоров трудился над созданием технологии замкнутого цикла производства поликристаллического кремния в г.Сосновый Бор Ленинградской области. Мультинациональный проект «Балтийская кремниевая долина» был ориентирован на использование таш-кумырского сырья. Предполагалось, что Таш-Кумыр будет поставлять ежегодно от 300 до 500 т поликремния, а Сосновый Бор — изготавливать системы солнечной энергетики производительностью 1 ГВт/год. Реализация этого проекта позволила бы России утвердиться на мировом рынке солнечной энергетики, потеснив США, Японию и Германию. Но российский министр атомной энергии Евгений Адамов загубил «Балтийскую кремниевую долину», объявив, что главной для страны должна стать Кремниевая долина в Красноярском крае, в г.Железногорске. Чуда в Железногорске не произошло, а нобелевский лауреат не выдержал гибели своего детища и в 2002 г. умер. Смерть академика Прохорова привела к тому, что иностранные инвесторы, в первую очередь шейхи из Омана, отказались от проекта.

Однако времена изменились, и атомная промышленность, а также тесно связанная с закрытыми «атомными» городами солнечная кремни-

евая энергетика снова пользуются приоритетной поддержкой в России, Казахстане и других государствах СНГ. Напомним, что в Сосновом Бору находятся Ленинградская АЭС, ОАО «Сосновоборский проектно-изыскательский институт комплексной энергетической технологии» и целый ряд других НИИ. Так что Таш-Кумыр, похоже, дождет своего часа. Как всегда, самыми активными оказались казахские инвесторы — в июле 2007 г. казахи заявили, что будут развивать в Таш-Кумыре производство «сплава ферросиликоалюминия, который разработан и впервые в мире выпущен в Казахстане».

Если промышленность все еще сохраняет интересные перспективы для развития, то с сельским хозяйством ситуация сложнее, хотя потенциал страны в этой сфере достаточно высок. Дело в том, что Киргизия сталкивается со стандартной для развивающихся стран проблемой: ближайшие соседи скорее конкуренты, нежели потребители, а страны «золотого миллиарда» защищают свои рынки посредством субсидий собственным фермерам и вороха нормативных требований к поставляемой сельхозпродукции. Кроме того, хозяйствующих субъектов здесь традиционно очень много, и они мелкие, а необходимость при любых действиях напрямую договариваться с массой людей предполагает такую высокую степень компетентности и открытости, что ею редко может похвастаться и руководство более благополучных, нежели Киргизия, стран.

Впрочем, некоторым киргизским сельхозпроизводителям удалось добиться успеха. Так, принадлежащая братьям Таабылды и Жумадылу Энембердиевым компания «Шоро» (кумыс, максым, шоро, жарма, бозо и другие традиционные напитки) прорвалась туда, куда не смогли прорваться ее конкуренты из Башкортостана и Татарстана, — в магазины Москвы и Санкт-Петербурга.

Довольно сильные позиции у киргизских производителей крепкого алкоголя. При том что в своем большинстве местные водки и коньяки оставляют желать лучшего, имеются и исключения. В первую очередь это относится к продукции «Шампанвинкомбината». На XI Международном конкурсе виноградных вин, коньяков (бренди), шампанского, водок и крепких напитков «Золотой Грифон — 2006» четырем произведенным на этом комбинате коньякам — «Энесай» (20 лет выдержки), «Эпос» (15 лет выдержки), «Манас» (10 лет выдержки) и «Кыргызстан» (6 лет выдержки) — были присуждены золотые медали качества. Хорошие водки в Киргизии тоже есть, но они проигрывают как более качественным украинским, так и более напористым в продвижении водкам из Казахстана.

И все же главное, на что бы хотелось обратить внимание, — это инициативность и энергичность киргизских фермеров, сумевших коренным образом изменить структуру сельхозпроизводства. Если раньше на аграрном Юге выращивались преимущественно хлопок и (в меньшей степени) пшеница, то в 1990—2000-е годы упор был сделан на более подходящие для горного климата культуры — рожь, гречиху и т. п.

Едва ли можно позиционировать Киргизию и как крупного поставщика минерального сырья. Поскольку страна горная, то ожидать наличия значительных запасов нефти и газа не приходится; тот же Джалалабадский нефтеперерабатывающий завод производит бензин по большей части из узбекской нефти. Памир и Тянь-Шань богаты рудными месторождениями, но их освоение требует серьезных инвестиций в инфраструктуру, цены же на металлы на мировом рынке подвержены сильным колебаниям. Это делает разработку таких месторождений довольно рискованным предприятием, в том числе и с экологической точки зрения. Например, добыча в советское время урана оставила после себя многочисленные «хвостохранилища» — отвалы пустой, но сохраняющей радиоактивность и/или опасной в химическом отношении породы. Наиболее тяжелая ситуация с экологией на юге Киргизии, где подобные отвалы нередко находятся вблизи потенциальных селевых сходов или просто вблизи рек бассейна реки Нарын, которая ниже по течению зовется Сырдарьей. Сырдарья кормит миллионы жителей Ферганской долины. Страшно даже представить последствия возможной экологической катастрофы.

Единственный значимый горнорудный проект, который удалось реализовать в республике за годы независимости, — это организация добычи золота на Кумторе. Стоимость золота, добытого там с 1997 г. «Кумтор голд компани», СП ОАО «Кыргызалтын» и канадской «Камеко корпорейшн», заведомо перекрывает двухмиллиардный внешний долг страны. И хотя вследствие неравноправных договоренностей с канадской компанией в бюджет Киргизии попала лишь малая толика этих денег, реализация данного проекта принесла ей определенную пользу: в 2004—2006 гг. киргизским золотом, ураном, алюминием и другим полезным ископаемыми заинтересовались такие бизнесмены, как Олег Дерипаска и Виктор Вексельберг, так что в горной добыче республики могут вскоре появиться и ответственные предприниматели.

Как альтернативу производящим отраслям хозяйства обычно рассматривают развитие сферы услуг и информационных технологий. Не случайно в Киргизии так часто озвучивается идея движения по постиндустриальному пути. Конечно, до практического ее воплощения очень далеко. Крупные заводы в Бишкеке и южнокиргизских Таш-Кумыре и Майлисае еще не скоро смогут достичь советских объемов производства. Тем не менее надо отметить, что цены на Интернет и сотовую связь в Кыргызской Республике заметно ниже, чем в Казахстане и Узбекистане. Причин много, в том числе позиционное противостояние крупнейших телекоммуникационных компаний в Казахстане и слабое развитие современных коммуникаций в Узбекистане, но факт остается фактом. О потенциале горной республики говорит и то, что по доле пользователей Интернета на душу населения она превосходит остальные среднеазиатские страны. И вообще, если брать относительные показатели, то по многим из них Киргизия оказывается в региональных лидерах, хотя в абсолютных цифрах ей трудно тягаться с большим Ка-

захстаном. Немаловажно, что потребности местного бизнеса в программных продуктах легко и качественно удовлетворяются местными же софтверными компаниями. Киргизские программисты вполне востребованы и за рубежом. Впрочем, учитывая неощутимость виртуального мира, которая активно используется и для того, чтобы лишний раз не привлекать внимания налоговых органов, количественно оценить размах аутсорсинговых услуг довольно сложно.

Очевидно, что позиционирование Киргизии как IT-лидера, который в состоянии составить конкуренцию Индии и России по качеству аутсорсинга, пусть и не замахиваясь на сопоставимые объемы, было бы выгодным для местных программистов. Однако в нынешней неблагоприятной административно-хозяйственной среде им приходится думать прежде всего о выживании. Характерный пример: многие ведущие киргизские разработчики программного обеспечения просто не указывают на титульных страницах своих сайтов, что находятся в Бишкеке. Целый ряд бишкекских и ошских программистов, продолжая жить в Киргизии, перешел на работу в российские и казахстанские компании.

Небольшого прогресса удалось достичь и в использовании транзитного потенциала страны. В советское время горные Киргизия и Таджикистан были транспортными тупиками — исторические караванные пути в Иран, Индию (через Кашмир) и Китай (через Кашгар) СССР держал на надежном замке. Неудивительно, что сразу же после обретения республикой независимости начал обсуждаться проект Киргизско-Китайской железной дороги (ККЖД) по самой короткой из четырех основных веток Шелкового пути — через Кашгар и Ферганскую долину. В 2000 г. китайцы дотянули железную дорогу до Кашгара — крупнейшего города на западе Синьцзян-Уйгурского автономного района. Населенный преимущественно узбеками, киргизами и таджиками Кашгар всегда был тесно связан с Ферганской долиной.

В ожидании инвестиционного «золотого дождя» из Китая киргизы, что называется, потеряли голову: был выбран не кратчайший южный маршрут, через перевал Иркештам выводящий к Ошу, а северный, через перевал Торугарт и Нарын и далее на север страны. 5 февраля 2001 г. киргизский парламент (Жогорку Кенеш) принял закон «О приоритете проекта строительства железнодорожной линии Балыкчы—Джалал—Абад—Торугарт с выходом в Китай». В результате Китай, в средствах массовой информации которого дорогу упорно называют Китайско-Узбекской, передумал инвестировать в ее строительство. Пока медлительные киргизы раскачивались, в надежде на международные займы подтянулись более активные казахи, правильно понявшие, что именно несколько лет изучали в республике эксперты-транспортники из ФРГ, и в 2004 г. было создано киргизско-немецко-казахское совместное предприятие «Магистраль-Инвест». Впрочем, это СП также пока не преуспело в поиске инвестиций.

Активность китайцев, казахов и немцев в сфере транзитного развития Средней и Центральной Азии неизбежно ставит вопрос о полити-

ческом и экономическом присутствии в регионе России и США. Мы бы даже рискнули сказать — о военно-политическом присутствии и геоэкономических и геополитических интересах этих двух стран. Поясним на примере железнодорожного, автомобильного и авиационного транспорта.

Китайцы даже не сомневаются, что у будущей ККЖД ширина колеи должна составлять 1435 мм (так называемый «стефенсоновский» стандарт). Помимо Китая, на «стефенсоновский» стандарт ориентируются страны Евросоюза. В странах, исторически находившихся под влиянием Англии (за исключением Индии), а также в Японии и большинстве стран Африки строятся железные дороги с колеями 1067 мм. Россия и те немногие страны, где она присутствовала не только экономически, используют стандарт 1520 мм. Еще шире колея железных дорог в Индии — 1676 мм. Причин такому разнообразию стандартов много, но выделим главную — в случае масштабной войны различия в ширине железнодорожной колеи не позволяли агрессору осуществлять быструю переброску войск и быстрое хозяйственное освоение оккупированных территорий. Не будем гадать, работают ли эти соображения сегодня, но отметим, что Китай настаивает на «стефенсоновском» стандарте уже не только в Киргизии, но и в Казахстане — по мнению китайцев, именно в соответствии с ним должна строиться Трансказахстанская железная дорога из Синьцзяна к Каспию. Россия, быстро набирающая экспансионистскую мощь, отвечает адекватно — международный форум «Стратегическое партнерство 1520» возглавляет президент ОАО «Российские железные дороги» Владимир Якунин, близкий политический соратник Владимира Путина.

Международное противостояние сказывается и на развитии автомобильных трасс. По проектам Экономической и социальной комиссии ООН для Азии и Тихого океана были построены с нуля хорошие автомагистрали из Китая и Пакистана через Киргизию в Узбекистан. Пакистанские, китайские и другие азиатские инвесторы готовы вкладывать средства и в строительство дорог через Киргизию в Таджикистан. Однако в настоящее время это противоречит, пусть и по разным причинам, интересам как России, так и США. В результате фуры с контейнерами из пакистанских портов Гвадар и Карачи и с грузами из Китая в Узбекистан не идут, трафик через границу в основном отражает приграничную торговлю.

Еще хуже ситуация с бишкекским аэропортом «Манас» — одним из лучших в Средней Азии. По качеству взлетно-посадочной полосы с «Манасом» может сравниться только аэродром Мары в нейтральном Туркменистане. Но развивать как авиационный узел — авиахаб — Бишкек нельзя, так как в «Манасе» размещена американская база и 376-е авиаэкспедиционное крыло Международной антитеррористической коалиции.

Российский медведь при его неплохом на сегодня «нефтегазовом корме» и антизападных настроениях вряд ли допустит, чтобы ему про-

должали наступать на пятки в Киргизии. Кратко напомним позицию Модеста Колерова, вплоть до недавнего времени занимавшего пост начальника Управления президента РФ по межрегиональным и культурным связям с зарубежными странами. В ходе своих поездок в Киргизию Колеров уже обозначил желание России обсудить с Киргизией возможность создания российской военной базы в южнокиргизском Оше (сейчас у России военная авиабаза в северокиргизском Канте и ряд небольших объектов на юге Киргизии и на озере Иссык-Куль). Президент Киргизии Курманбек Бакиев горячо поддержал инициативу Колерова, но после внушительной выволочки со стороны срочно примчавшихся в Бишкек госсекретаря и министра обороны США пошел на попятную.

Тем не менее вопрос о том, кто первым встанет на стыке Тянь-Шаня и Памира, на стыке гор и Ферганской долины, на стыке транспортных, а значит, военно-стратегических маршрутов, с повестки дня не снят. Решение его в пользу России способно стать, на наш взгляд, той важнейшей вехой, после которой транспортное развитие Киргизии пойдет быстрыми темпами — со стратегической железнодорожной колеей 1520 мм, с «Российскими железными дорогами» в проекте ККЖД, с участием крупных российских компаний в организации автоперевозок из Пакистана, Индии и Китая через Киргизию в другие страны.

Отдельно отметим и собственно внутрикиргизское значение российского военного присутствия. Горные хребты делят страну на две части не только в географическом, но и в экономическом отношении — Север тяготеет к Казахстану и Южной Сибири, Юг — к Узбекистану и, чуть меньше, к Таджикистану. Единственная автодорога, которая связывает эти две части, — шоссе Бишкек—Ош — зимой и просто в плохую погоду часто закрыта по соображениям безопасности. База в Оше дала бы России доступ и к таджикскому Горному Бадахшану, через знаменитый Памирский тракт. Поэтому в случае появления такой базы Россия будет объективно заинтересована в скорейшей достройке современного дорожного покрытия и обустройстве тоннелей на шоссе Бишкек-Ош, так как не сможет себе позволить, чтобы сразу две военные базы — в Таджикистане и Южной Киргизии — зависели от политической ситуации в транзитном Узбекистане.

Теперь о главном — о судьбе киргизской гидроэнергетики. Все годы независимости местные политики делали (и делают) упор на то, что Киргизия богата гидроэнергоресурсами и должна экспортировать электроэнергию — тех, кто постарше, учили этому на уроках географии СССР, тем, кто помладше, наверное, рассказали те, кто постарше. Сейчас в Киргизии действует одна крупная гидроэлектростанция — Токтогульская, с которой связан каскад относительно небольших нарынских ГЭС. Эти гидроэлектростанции более или менее успешно обеспечивают внутренние потребности страны в электричестве, хотя доля «технических потерь» достигает 40%. Разумеется, большая часть этих «потерь» — украденное, причем самый жирный куш приходится на компании-посредники, которые получают еще и доход от разницы в тарифах произ-

водителя и потребителя. Это в стране понимают, о чем свидетельствует череда парламентских и судебных разбирательств, но суть проблемы в другом — в том, что из пяти стран региона две (Киргизия и Таджикистан) имеют чистую питьевую воду и перепад высот для производства гидроэлектроэнергии, а остальные три (Казахстан, Узбекистан и Туркмения) — нет. Даже сегодня, когда Казахстан и Узбекистан только набирают темпы развития, вопрос о воде и электричестве стоит настолько остро, что на проходившем в августе 2007 г. саммите ШОС президент Узбекистана Ислам Каримов прямо заявил о необходимости взять под международный контроль киргизскую (бассейн Сырдарьи) и таджикскую (бассейн Амударьи) гидроэнергетику. Мы не будем касаться здесь той бурной реакции, которую вызвали у киргизских политиков узбекские (и, добавим, казахские) претензии, подчеркнем лишь, что начать урегулирование ситуации позволит только приход в киргизскую энергетику более крупного, чем Казахстан и Узбекистан, старшего партнера. Таким партнером ни Китай, ни США, ни Евросоюз быть не могут, по крайней мере — на нынешнем этапе. Остается Россия. Как и в случае с транспортом, в данной сфере уже намечились определенные сдвиги — в 2007 г. интерес к строительству каскада Камбаратинских ГЭС на Нарыне обозначил «Базовый элемент» Олега Дерипаски (визиты топ-менеджеров «Русского алюминия» и «En+») и РАО «ЕЭС».

В начале статьи мы говорили, что в настоящее время Киргизия не оказывает сколько-нибудь заметного влияния практически ни на один международный процесс. Но у страны есть важный козырь — вода. И речь идет даже не об электричестве, производимом гидростанциями, а о питьевой воде. Именно от нее, а не от денег, ресурсов, электричества и т. п. зависит будущее богатейшего Казахстана и густонаселенного Узбекистана. Тот, кто будет контролировать чистую питьевую воду всей Средней Азии (читай — Таджикистан и Киргизию), и станет победителем в идущей сейчас в регионе военно-стратегической и геэкономической Большой игре, преемственной Большой игре Российской и Британской империй на рубеже XIX и XX вв. Вода — даже более важный элемент этой игры, чем транспортные артерии и горнорудные проекты. Никаких рыночных отношений тут не будет — будет очень жесткое стратегическое противостояние.

Подводя итог, можно констатировать, что за годы независимости Кыргызской Республике не удалось ответить ни на один из вызовов, свалившихся на нее вместе со свободой, не удалось найти свое место в региональном и международном разделении труда, поставить перед своим многонациональным народом ясные и достижимые цели. Следует ли из этого, что «нормальной» страны из Киргизии не получилось и не получится? Конечно, нет, и надеемся, что в какой-то мере мы смогли это показать. Более того, уже сегодня видна действительно серьезная региональная «специализация» Киргизии — оставаясь самой маленькой, двигаться к позиции постепенно становящегося ключевым игрока, пусть даже игрока в составе российской команды.

Еще пару лет назад в троллейбусах Бишкека продавали советские билетки. Те самые — «гортранспорт, на одну поездку, без компостера недействителен», хотя стоили они уже, конечно, не 5 копеек, а 3 сома (около 8 центов). Над этим можно посмеяться и сказать: «Как эти дикари застряли в прошлом!» А можно задуматься: кто-то ведь сохранял этот нехитрый запас бумаги, берег его во всех смыслах этого слова. В администрации президента и федеральных министерствах России киргизов (естественно, имеются в виду либо этнические киргизы, либо выходцы из Киргизии, но всегда — граждане РФ) гораздо больше, чем, например, казахов. И дело здесь, по-видимому, отнюдь не в том, что киргизам «некуда деваться». Обратите внимание, какие огромные квоты на рабочую силу из Киргизии выделяет Федеральная миграционная служба России, как быстро киргизстанцы обретают российское гражданство¹. Киргизы не боятся работы, не боятся смены деятельности или места жительства, готовы учиться и усваивать новые правила поведения. То, что страна жива, что люди в ней очень многому научились за эти годы, что появилось целое поколение, которое уже не помнит СССР, но хочет расти в своей стране и при этом вместе с братской Россией, означает, что этот рост может начаться в любой момент, что время еще не упущено безвозвратно.

¹ Напомним, что в отношении граждан Киргизии действует та же упрощенная процедура принятия гражданства РФ, что и в отношении граждан Казахстана и Белоруссии.

Когда говорят о влиятельных киргизстанцах-россиянах, обычно упоминают полковника ФСБ РФ Бахтияра Алиева, который был советником секретаря Совета безопасности России при нынешнем вице-премьере Сергее Иванове, а сейчас работает в Управлении внешней политики администрации президента РФ. Он выходец из известной в Киргизии семьи — имя его деда, Эргеша Алиева, носит Высшая школа МВД в Бишкеке. В последние годы Бахтияра Алиева упорно называют «российским ставленником на пост президента Кыргызской Республики», хотя, по нашим сведениям, это не так, и Алиев не мыслит себя вне России. Ни в интеллекте, ни в деловых качествах, ни в служебной и личной репутации Алиеву не занимать, но все же, как нам кажется, в наибольшей степени демонстрирует динамичный, подвижный и, что немаловажно, оптимистичный настрой киргизстанцев совершенно другой человек — космонавт Салижан Шарипов.

Салижан Шарипов — этнический узбек, уроженец южнокиргизского города Узген, полковник ВВС России, космонавт-испытатель РГНИИЦПК им. Ю.А.Гагарина. Свой первый космический полет Шарипов совершил в январе 1998 г. на борту шаттла «Endeavour STS-89», второй — с 14 октября 2004 г. по 24 апреля 2005 г. в качестве командира ТПК «Союз ТМА-5» и бортинженера 10-й экспедиции на МКС. В 1998 г. указом президента КР Салижану Шарипову было присвоено звание «Герой Кыргызской Республики» (Кыргыз Республикасынын Баатыры), а 13 сентября 2005 г. указом президента РФ — звание «Герой России».

Таков пусть самый яркий, но вполне типичный путь современного киргизстанца — работать, где можно и нужно, с теми, кому доверяешь и кого понимаешь. Быть героем родной Киргизии — и героем родной России.